

ГОРАПОЛЛОН МЛАДШИЙ (ОК. 440–500 гг.) И ЕГО ШКОЛА В МЕНУФИСЕ

А.М. Болгова*, Н.Н. Болгов**

* *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgova@bsu.edu.ru*

** *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgov@bsu.edu.ru*

Аннотация. Одна из наиболее интересных фигур в истории позднеантичной учености и образования – египтянин Гораполлон, которого обычно упоминают в связи с авторством трактата об иероглифах. Авторы статьи уточняют, вслед за сведениями Суды, что Гораполлонов было два – дед и внук. Особый интерес представляет деятельность Гораполлона Младшего в качестве преподавателя школы и схоларха в Менуфисе близ Александрии. Авторы пытаются уточнить различия между этой школой и Александрийской неоплатонической школой V–VII вв. Главное из них заключается в том, что школа Гораполлона изначально была риторической, а кафедра философии в ней появилась позднее. При этом одни и те же учителя могли преподавать в обеих школах. Доказать тождество этих школ невозможно, они были различными и автономными. В отличие от христианизированной школы Аммония (сохранившей основы философского преподавания в новой ситуации), Гораполлон не пошел на принятие христианства и компромисс с церковью, продолжал сохранять языческие теургические практики, в результате чего его школа не пережила своего схоларха (493–500 гг.). Гораполлон пережил и личную драму: в то время когда он находился под следствием во время гонений на школу, его поместье ограбила его жена. Гонения на школу и ее схоларха, приведшее в итоге к ее закрытию, связаны с эпизодом со студентом Паралием. Вопрос об авторстве «Иероглифики» в настоящее время не может быть разрешен, так как этот текст не дает никаких дополнительных хронологических и содержательных реперов.

Ключевые слова: Гораполлон, Александрия, школа, схоларх, философия, риторика, неоплатонизм, филопоны

Гораполлон (Ἐραπόλλων) – один из важных деятелей позднеантичной культуры, однако во всех популярных словарях он известен почти исключительно как автор сочинения «Иероглифика» и астролог из Египта.

Болгова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Болгов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В действительности существовало два Гораполлона. Первый из них (Hογαρολλων 1: PLRE I 442; PLRE II 569), как сообщает Суда (s.v. Hογαρολλων), жил в конце IV – середине V вв. Он родился в Фенебитисе, ном Панополя. Учил грамматике в Александрии и в Константинополе при императоре Феодосии (предположительно Великом, 379–395). Написал сочинение «О храмах» и комментарии к Софоклу, Алкею и Гомеру. Как упоминает патриарх Фотий (Bibl., cod. 279), он также писал «драмы» и может быть отождествлен с безымянным египетским юношей в Константинополе в 377 г., который, как сообщает Фемистий, умел составлять «трагедии и дифирамбы» (Them. Or. XXIX 347A). У него было два сына – Асклепиад и Гераиск.

По версии составителей PLRE II, императором, при котором Гораполлон учил в Константинополе, был Феодосий Младший (408–450). В таком случае его отождествление с юным египетским поэтом 377 г. маловероятно.

Гораполлон наиболее известен как указанный в рукописи автор сочинения о египетских иероглифах, дошедшего «в греческом переводе Филиппа» под названием «Иероглифика», которое обычно датируется концом IV в. (Γερογλιφικα, 379–395 гг.?). Сочинение посвящено толкованию египетских иероглифов. Считается, что оно изначально было написано на коптском языке. Греческая рукопись была найдена в 1419 г. на острове Андрос итальянским купцом. В авторе видно некоторое знакомство с древнеегипетским языком; он объясняет довольно правильно многие идеограммы, часто встречаемые в Птолемеевских надписях, но ничего не говорит о фонетическом значении иероглифов. Автор, судя по содержанию книги, иероглифической письменностью не владел, в своем методе истолкования он следует общей эллинистической традиции. Символическое толкование иероглифов в труде Гораполлона оказало большое влияние на историю дешифровки египетских иероглифов. Но попытки прочесть египетские тексты с опорой на сведения Гораполлона, предпринимавшиеся с XVII в. (А. Кирхер) вплоть до открытия Шампольона, оказались бесплодными, поскольку египетское письмо не было чисто идеографическим, а сочетало фонетический и идеографический принципы.

Для нас значительно больший интерес представляет другой Гораполлон – Флавий Гораполлон Младший¹ (Hογαρολλων 2; PLRE II, 569–570; полное имя – P. Saïro III 67295). В византийском словаре Суда он назван одним из последних представителей египетского жречества. Сообщается, что он преподавал философию в школе в Менуфисе близ Александрии в правление императора Зенона и Анастасия. Время его жизни, таким образом, определяется как середина-конец V в., приблизительно 440–500 гг.

Местом его рождения называют Нилополь, Афродито или Фенебитис (Phenebytis) в номе Панополя в Фиваиде (Suid. Ω 159). Более вероятна последняя версия, так как в Фенебитисе Гораполлон имел родовое имение, унаследованное, видимо, по смерти отца (Pap. I 1, 23, 26).

По мнению Ж. Масперо и в стемме 31 в PLRE II, Гораполлон Младший – сын Асклепиада, внук Гораполлона Старшего и племянник Гераиска². Его предки, следовательно, были людьми образованными, учителями (Pap. I 14–15). Образование Гораполлон получил домашнее, от своего отца (Pap. I 15).

¹ Maspero 1914, 163ff.

² Maspero 1914, 176–181.

Его расцвет пришелся на годы правления Зенона (Zachar. Vit. Sev. 14ff; Damasc. Fr. 314 = Suid. Ω 159). Он был еще жив в правление Анастасия (Pap. II 16–17) (вероятно, в начале его правления)³.

Ряд свидетельств определяют его как философа (Pap. I 1; II 24; Zachar. Vit. Sev. 16) и грамматика в Александрии (Zachar. Vit. Sev. 20, 22, 23). Он учил философии в Александрии (Pap. I 12ff, 29; Zachar. Vit. Sev. 20). По Дамаскию, он не был настоящим (т.е. оригинальным) философом (Damasc. Fr. 317 = Suid. Ω 159). Среди его учеников наиболее известен Тимофей (Timotheus 3 PLRE).

Гораполлон был женат на своей двоюродной сестре, дочери его родного дяди (Гераиска). Они вместе выросли в имении его отца (Pap. I 18–19).

Вероятно, он является автором сочинения «Отчизна александрийцев» (Patria Alexandrietas) (Phot. Bibl., cod. 280). Был прозван христианами «Психаполлоном» (Zachar. Vit. Sev. 32).

По мнению Ж. Масперо и составителей PLRE, именно он, возможно, является автором сохранившегося сочинения об иероглифах⁴. Однако проблема заключается в том, что ни один византийский источник не сообщает о трактате «Иероглифика» и Гораполлоне как его авторе. Этот трактат под именем Гораполлона существует независимо от прочей традиции. Поэтому приходится без весомых аргументов просто механически привязать трактат либо к одному Гораполлону, либо к другому. Кроме того, мы не исключаем и литературной фикции, когда трактат об иероглифах мог быть просто приписан авторитетному писателю. Поэтому если связывать трактат с реальным Гораполлоном, то нам представляется более верным традиционное отождествление автора трактата с Гораполлоном Старшим в связи с его преподаванием в столице «при Феодосии».

Гораполлон Младший наиболее известен как преподаватель, руководивший школой в качестве схоларха, где преподавались риторика и философия.

Впервые о школе Гораполлона в Александрии мы слышим в связи с неоплатоником Гермием. Гермий, ученик Сириана, учившийся в Афинах одновременно с Проклом, основал по возвращении на родину в риторической школе Гораполлона кафедру платоновской философии.

Риторическая и философская языческая школа, о которой идет речь, располагалась в Менуфисе близ Александрии и руководилась вначале Гераиском и Асклепиадом, отцом Гораполлона. Формально Гораполлон стал ее схолархом только после смерти отца и дяди. Но он был наиболее известным ее учителем, поэтому школа называлась школой Гораполлона еще с 470-х гг.

Сын Гермия Аммоний (между 435–445 — между 517–526), ученик Прокла, открыл «неоплатоническую эру» комментирования Аристотеля (475–517) в Александрии. Мать Аммония, Эдесию афинянку, родственницу Сириана, родители первоначально хотели выдать замуж за Прокла, но после отказа того от женитьбы Эдесия вышла замуж за Гермия и уехала с ним в Александрию. Их сыновья Аммоний и Гелиодор избрали философское поприще. По окончании обучения Аммоний вернулся в Александрию и в 475 г. возглавил, как и его отец, кафедру философии в школе Гораполлона. Вероятно, со временем Аммоний смог отделиться и

³ Maspero 1914, 190.

⁴ Maspero 1914, 191–193.

создать свою собственную школу, которая и известна как Александрийская школа неоплатонизма V–VII вв.

Несмотря на религиозно гетерогенное студенчество, резонирующая языческая религиозная культура в конце V в. еще существовала среди студентов и их учителей в Александрии. Свидетельством этому – профессор Гораполлон, позволявший отбирать студентов, принадлежавших к язычеству, чтобы участвовать вместе с ним в языческих ритуалах (*Zachar. Vit. Sev. 15*). Это вполне открыто продолжалось в школе до 480-х гг. Однако вскоре произошли события, приведшие к христианизации языческих школ.

Искра, от которой вспыхнула пороховница, зажглась в 486 г., немного времени спустя после того, как студент из Афродисии по имени Паралий приехал учиться грамматике к языческому учителю Гораполлону. Датировка основана на большом количестве свидетельств источников. Паралий был еще в Афродисии, когда мятеж Илла был подавлен в августе 484 г. (*Zachar. Vit. Sev. 40–41*). Кроме того, Захария рассказывает нам, что Паралий говорил Исидору о философских вопросах, начиная с первого года своей учебы. Известно, что Исидор находился в Афинах со времени смерти Прокла 17 апреля 485 г.; так как сезон навигации продолжался с 10 марта по 10 ноября, ясно, что он находился там с предыдущей осени⁵.

Паралий был младшим сыном из видной языческой семьи. Два его старших брата были учителями в Афродисии и твердыми язычниками. Третий брат, Афанасий, изучал право в Бейруте и затем приехал в Александрию по делам. Когда в этой поездке он встретил Стефана, благочестивого христианского учителя риторики, он убедился в необходимости обращения в христианство. Вскоре они со Стефаном решили присоединиться к Энатону, строгому антихалкедонскому монастырю, который сотрудничал со студентами-филопонами («трудолюбыв») (*Zachar. Vit. Sev. 14*).

О деятельности филопонов в школах Александрии и связанных с ними монастырях лучше всего известно по истории монастыря Энатон, бастиона радикальных антихалкидонских монахов, расположенного в 9 милях от Александрии. В поздней античности Энатон был фактически конгломератом многих маленьких монашеских групп (называемых койнобии – киновии) и объединенных одним высшим руководством. Несмотря на составную структуру, каждый койнобион имел собственную церковь, святых и руководителя⁶. Каждая монашеская община Энатона также имела свои индивидуальные интересы. Во многих случаях эти интересы были интеллектуальными и были связаны со школьными экзаменами в теологических пунктах. Среди ученых, работавших непосредственно в Энатоне, были богослов Феодор, архиепископ Дамиан, Фома Аркел, Павел Телльский.

Эти филопоны, учась в школе, будучи христианами, работали над постепенной христианизацией школы «изнутри». Выбор Афанасия так напугал его старших братьев, что они опасались, что Паралий тоже будет «испорчен» христианами, когда уедет учиться. Чтобы не допустить этого, они послали Паралия учиться к Гораполлону, учителю, который был известен как оратор, учитель и знаток языческой религии (*Zachar. Vit. Sev. 15*).

⁵ О сезоне навигации см.: Casson 1971.

⁶ Van Cauwenbergh 1914, 64–72.

Когда Паралий приехал в Александрию, Горapolлон тепло встретил его. Захария говорит: «В отношениях с Горapolлоном язычество Паралия расцвело; он ревностно относился к жертвоприношениям идолам вместе со своим учителем» (Zachar. Vit. Sev. 15). Но чувства Паралия в конце концов одолели его и, не слушая предупреждений своих братьев, он нанес визит своему брату в Энатон. Как он рассказывал брату и его другу Стефану, при этом зашел разговор о религии и Стефан умело посеял сомнения в уме Паралия о власти языческих богов (Zachar. Vit. Sev. 16). Он затем отпустил Паралия и стал обсуждать его религиозные интересы с языческими учителями Горapolлоном, Гераиском, Асклепидотом, Аммонием и Исидором (три последних учились у Прокла)⁷.

Идея Полимнии Афанассиады о том, что Аммоний, Гелиодор, Асклепиад, Гераиск, Горapolлон, Исидор и Асклепидот работали в одной большой школе, весьма интересна⁸. Однако тесная концентрация интеллектуалов не обязательно означает школу как институцию, существовавшую в реальности; по мнению Э. Уоттса, это темный вопрос⁹. Например, в IV в. существовала группа неаффилированных риторов вокруг храма Муз в Антиохии (Lib. Or. I, 101–104).

Так как Горapolлон, кажется, учил в одних и тех же аудиториях, что и другие учителя, Паралию было нетрудно найти их. Этот комплекс образовательных помещений в Менуфисе должен быть похож на тот, что был найден археологами в Ком эль-Дикка (неоплатоническая школа Аммония)¹⁰.

В течение нескольких дней Паралий имел множество разговоров с видными философами, с которыми он встречался. Он нашел, что их ответы на вопросы, которые поднял Стефан, слабы и неубедительны. Однако Паралий еще крепко держался своей веры. Его уверенность была укреплена историей рождения ребенка философа Асклепидота, что предположительно было достигнуто с помощью богини Изиды. Это языческое чудо было представлено как событие, произошедшее в реальности. Когда Стефан выслушал это, он призвал Паралия не верить сообщению, если оно не могло быть доказано, так как жена Асклепидота кормила ребенка молоком. Паралий возвратился в школу, поспрашивал вокруг и убедился, что такой род объяснения невозможен.

Вера Паралия была окончательно поколеблена, когда он посетил святилище Изиды, при котором якобы произошло чудо Асклепидота. Святилище, кажется, стало известным и популярным среди студентов как место, куда они могли совершать благочестивые паломничества под руководством богов (Zachar. Vit. Sev. 18–19)¹¹. Существует эффектный контраст между мирской, местной, религиозной деятельностью святилища в Менуфисе и более захватывающими службами для александрийских интеллектуалов и их студентов. Святилище было частично привлекательно для этих ученых потому, что экстраординарные усилия его жрецов приспособлялись к религиозным ожиданиям его посетителей. Опыт Паралия относительно этого святилища, однако, убедил его, что ему давали недостоверную информацию (Zachar. Vit. Sev. 20–21). Расстроенный этим, Паралий возвра-

⁷ Criboire 2001, 34.

⁸ Athanassiadi 1999, 20 ff.

⁹ Watts 2006.

¹⁰ Tkaczow 1993, 99; Criboire 2001, 34.

¹¹ Frankfurter 2000, 191–192; Bowersock 1990, 60–61.

тился в Александрию, вернулся в школу и составил речи против языческих богов и их святилищ¹². Он издевался над видными языческими учителями, которых он знал, и поносил святилище Изиды, сравнивая его жрецов с проститутками (*Zachar. Vit. Sev.* 23).

Его выпады вызвали сильный ответ со стороны среди его собратьев – студентов-язычников. Мотивированные как на лояльность к своим учителям, так и на религиозное рвение – гнев, они подождали до следующей пятницы – дня, когда большинство христианских студентов не присутствовали в школе. Не увидев Гораполлона, они напали на Паралия. Паралий бежал, но толпа язычников побежала за ним, поймала его и начала бить. В такой ситуации Захария и двое из его друзей-филопонов бросились в толпу и смогли вырвать Паралия оттуда. Они незамедлительно передали его в руки своих сторонников из Энатоны, показав монахам его раны, и объяснили инцидент Саломону, главе койнобиона (*Zachar. Vit. Sev.* 24).

Гораполлон, который казался причиной всего этого инцидента, даже получил от христиан прозвище «Психаполлон» («Душа разрушения») за слухи об обращении студентов-христиан в язычество (*Zachar. Vit. Sev.* 20–21).

В это время догматические противоречия между христианами Александрии были временно сняты, и на какое-то мгновение Петр Монг оказался один во главе неразделенной христианской паствы¹³. У таких учителей, как Гораполлон и Аммоний, эта ситуация вызвала большое беспокойство. После почти 75 лет относительно спокойного преподавания толпы христиан снова готовились совершить акты насилия против языческих целей. Языческие схолахи помнили о судьбе Гипатии и понимали, что теперь, в отличие от Гипатии, они больше не рассматривались широкими кругами как невинные¹⁴. Гибель Гипатии была еще столь памятной, что Дамаский дает длинное сообщение об этом, чтобы показать сходство с ситуацией в 480-е гг. Александрийские христиане увидели в избиении Паралия провокацию, и вследствие этого они искренне поддержали насильственный ответ против действий языческих учителей и их школ.

Был устроен судебный процесс над язычниками, который вел Энтрехий. Учитывая негативный опыт убийства Гипатии, христиане старались вести дело в рамках закона. Вскоре после окончания этого процесса Гораполлон и другие язычники, указанные в обвинительном документе, бежали. Ни для кого не стало неожиданностью, что Гораполлон и другие причастные к этому инциденту оставили город. Невозможно узнать, кто были эти прочие причастные, включали ли они других учителей или только студентов Гораполлона, замешанных в избиении Паралия. Возможно, ожидая, что всё это просто закончится само по себе, Энтрехий не побеспокоился об их реальном наказании (*Zachar. Vit. Sev.* 26–27). Учитывая обстановку в городе, нас не должно удивлять, что Энтрехий вёл дело так, чтобы избежать настоящего погрома. Однако, независимо от угрозы, было неочевидно, что Гораполлон и его помощники исчезли надолго.

И действительно, он вернулся, но вскоре после его возвращения последовал второй процесс, который вел Никомед. После мятежа Илла императорский двор должен был очиститься от вышедших из доверия людей, таких как Аммоний и

¹² Trombley 1994, 2, 11 ff.

¹³ Haas 1997, 328–329.

¹⁴ Watts 2005, 335–337.

Гораполлон. Поэтому, когда Петр Монг затребовал результаты расследования дела в отношении этих учителей, было бы справедливо предположить, что правительство, которое уже говорило об этих людях как о потенциальных смутьянах, удовлетворило его просьбу.

Вскоре после того, как схолярх Александрийской неоплатонической школы Аммоний заключил сделку с Петром Монгом о мирной христианизации его школы при сохранении основ философского преподавания, Никомед запустил второе расследование относительно деятельности языческих учителей. Это расследование было по масштабу намного больше, чем первое, и служило для того, чтобы разгромить и рассеять крайние элементы александрийской яввлиховой общины (эти неоплатоники активно занимались языческими теургическими практиками). Это заставило философа Исидора совершить неуклюжую попытку бежать из Александрии на лодке (Damasc. Vit. Is. Ath. 119A-K; Z. Ep. 180–185, fr. 318–320), а Дамаския – совершить лучше спланированный отъезд в Афины¹⁵. Вместе с тем лишь два члена александрийского философского сообщества были реально арестованы в ходе гонений. Следователи, кажется, хотели изменить положение вещей в школе, широко распространяя страх, но наказания применялись избирательно.

Гораполлон вместе с Гераиском был арестован Никомедом, вероятно, в Александрии, и выдал под пытками местонахождение Гарпократа (Harpokras 3 PLRE) и Исидора (Isidorus 5 PLRE) (Damasc. Fr. 314). Хотя Гораполлон подвергся пыткам на заключительной фазе следствия, ничего не известно о том, какой вердикт второй процесс Никомеда вынес ему лично.

Схолярх Гераиск тем временем, выйдя из тюрьмы, заболел и умер, скрываясь от новых преследований (Damasc. Vit. Is. Ath. 128; Z. fr. 335, 335a), а его брат, философ и схолярх Асклепиад, отец Гораполлона, умер вскоре после него, между 491 и 493 гг.¹⁶ Если этот папирус имеет датировку около 491–493 гг., то Асклепиад, по мнению Масперо, умер где-то до 493 г.

Вслед за смертями своего дяди Гераиска и отца Асклепиада, Гораполлон, кажется, окончательно стал главой своей школы¹⁷ и руководил ею единолично не менее семи лет (до 500 г.?).

Однако почти в то же время он испытал еще и весьма неприятные вещи личного свойства. Он жил в Александрии и со своей женой (которая была одновременно его двоюродной сестрой) сохранял владение в его родовом имении в Фенебитисе. Жена предприняла энергичные усилия, чтобы самой претендовать на собственность, которую Гораполлон только что окончательно получил в качестве наследства после смерти своего отца (до 493 г.). Когда Гораполлон находился в Александрии, его жена неоднократно приезжала в имение и вместе со своим любовником ограбила его, забрав оттуда всё, что смогла (Pap. I 22 – II 7). П. Афанасиади считает, что Гораполлон мог в это время еще находиться в тюрьме. Ж. Масперо опровергает это мнение¹⁸.

¹⁵ Athanassiadi 1999, 32–38.

¹⁶ Maspero 1914, 163–195. Если этот папирус имеет датировку около 491–493 гг., то Асклепиад, по мнению Масперо, умер где-то до 493 г.

¹⁷ Maspero 1914, 166.

¹⁸ Athanassiadi 1993, 21; Maspero 1914, 167.

Сохранившиеся папирусы содержат петицию, которую Гораполлон адресовал через местного чиновника в Фенебитисе в соответствующие правовые органы в целях возмещения ущерба (Pap. II 13 ff). В петиции-жалобе, которую он подал против своей жены между 491 и 493 гг., Гораполлон описал ее отца как святого с помощью тонкого, но безошибочного языческого выражения. Это утверждает нас в мысли, что он не был еще христианином, когда имел место этот судебный иск.

После этого он стал скрывать свои языческие верования и в конечном счете спустя некоторое время стал христианином, как было предсказано Гераиском (Damasc. Fr. 317). Он перешел в христианство «без какого бы то ни было видимого принуждения», будучи, очевидно, сломленным человеком (Damasc. Vit. Is. Ath. 120B; Z, fr. 317). Идея П. Афанасиади о том, что это обращение могло стать результатом частых стрессов во время гонений и адюльтера со стороны его жены возможно, но недоказуемо¹⁹. Это произошло, по всей видимости, уже ближе к 500 г. Вскоре после этого Гораполлон умер.

Гораполлон Младший представляет собой тип языческого схоларха, сходный с руководителями Афинской школы до 529 г. Он был открытым язычником и старался сохранять такой же характер своей школы, в то время как главная Александрийская школа неоплатонизма во главе с Аммонием, испытав мощное давление со стороны филопонов, заключила соглашение с патриархом Петром Монгом и внешне христианизировалась, убрав ямвлиховские теургические практики в конце 480-х гг.

Сам Гораполлон не был глубоким философом, поэтому его личная судьба, как и судьба его школы, не стали главными в судьбе александрийского философского образования. После смерти своего схоларха школа в Менуфисе вряд ли просуществовала какое-либо длительное время.

Школа же Аммония благополучно дожила до 1-й пол. VII в., отъезда Стефана Александрийского в Константинополь и прихода арабов. В позднеантичной Александрии серия из 15 помещений для аудиторий была недавно раскопана рядом с подобными сооружениями, которые уже были открыты ранее²⁰. Теперь можно увидеть места для преподавателя, ряды сидений для студентов, что образует в целом достаточно мощный комплекс зданий для высшего образования (совр. Ком-эль-Дикка), в основном для грамматики, риторики и философии²¹. Учитывая всю сложность археологического изучения Александрии, факт обнаружения этих зданий является редкой удачей.

Школа Гораполлона в Менуфисе и школа Аммония в Ком-эль-Дикка, вопреки мнению П. Афанасиади, все же были, вероятно, разными школами как учреждениями, хотя этот факт совершенно не исключает возможности преподавания ведущих философов и в той, и в другой школе одновременно по совместительству (Гермий и Аммоний, например, как было сказано выше, преподавали в Менуфисе).

Мы ничего не знаем о том, какая философия преподавалась в школе Гораполлона, какой философии придерживался он сам, но можем предположить, что это был ямвлиховский неоплатонизм с теургическими практиками, а возможно, и

¹⁹ Athanassiadi 1993, 21; Watts 2006, 204–231.

²⁰ Cribiore 2001, 34.

²¹ Majcherek 2007, 11–150; Cribiore 2007, 143–150; McKenzie 2007, 53–83.

традиционный платоновский неоплатонизм с элементами аристотелизма (на это указывает факт работы в данной школе Аммония).

Таким образом, Гореполлон Младший предстаёт перед нами как видный деятель позднеантичной высшей школы в Александрии и последовательный язычник, а судьба его школы оказалась сходна с судьбой Афинской школы, предвосхитив ее на четверть века.

Распространенный топос о Гореполлоне лишь как об астрологе и толкователе тайного смысла иероглифов должен быть пересмотрен.

ЛИТЕРАТУРА

- Athanassiadi, P. 1999: *Damascius: The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The evidence of Damascius. *JHS* 113, 1–29.
- Bowersock, G. 1990: *Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor.
- Casson, L. 1971: *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton.
- Cribiore, R. 2001: *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton.
- Cribiore, R. 2007: Spaced for Teaching in Late Antiquity. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 143–150.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In: J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Bd. 2. Berlin: B.G. Teubner, 162–194.
- Haas, K. 1997: *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore – London.
- Majcherek, G. 2007. The Late Roman Auditoria. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 11–150.
- Maspero, J. 1914: Horapollon et la fin du paganisme Egyptien. *Bulletin de l'Institut francais d'Archeologie Orientale* 11, 163–195.
- McKenzie, J.S. 2007: The Place in Late Antique Alexandria «Where the Alchemists and Scholars Sit ... Was Like Stairs». In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 53–83.
- Tkaczow, B. 1993: *Topography of Ancient Alexandria: An Archaeological Map*. Warsaw.
- Trombley, F. 1994: *Hellenic Religion and Christianization c. 370–529*. Vol. 2. Leiden.
- Van Cauwenbergh, P. 1914: *Etude sur les moines d'Egypte: depuis le Concile de Chalcedoine, jusqu'a l'invasion arabe*. Paris - Louvain.
- Watts, E. 2005: The Murder of Hypatia: Acceptable or Unacceptable Violence. In: H.A. Drake (ed.), *Violence in Late Antiquity*. Aldershot, 335–337.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley - Los Angeles.

REFERENCES

- Athanassiadi, P. 1999: *Damascius: The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993. Persecution and Response in Late Paganism: The evidence of Damascius. *Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Bowersock, G. 1990: *Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor.

- Casson, L. 1971: *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton.
- Criboire, R. 2001: *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton.
- Criboire, R. 2007: Spaced for Teaching in Late Antiquity. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 143–150.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In: J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Bd. 2. Berlin: B.G. Teubner, 162–194.
- Haas, K. 1997: *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore – London.
- Majcherek, G. 2007. The Late Roman Auditoria. In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 11–150.
- Maspero, J. 1914: Horapollo et la fin du paganisme Egyptien. *Bulletin de l'Institut francais d'Archeologie Orientale* 11, 163–195.
- McKenzie, J.S. 2007: The Place in Late Antique Alexandria «Where the Alchemists and Scholars Sit ... Was Like Stairs». In: T. Derda, T. Markiewicz, E. Wipszycka (eds.), *Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw, 53–83.
- Tkaczow, B. 1993: *Topography of Ancient Alexandria: An Archaeological Map*. Warsaw.
- Trombley, F. 1994: *Hellenic Religion and Christianization c. 370–529*. Vol. 2. Leiden.
- Van Cauwenbergh, P. 1914: *Etude sur les moines d'Egypte: depuis le Concile de Chalcedoine, jusque a l'invasion arabe*. Paris - Louvain.
- Watts, E. 2005: The Murder of Hypatia: Acceptable or Unacceptable Violence. In: H.A. Drake (ed.), *Violence in Late Antiquity*. Aldershot, 335–337.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles.

HORAPOLLO THE YOUNGER (c. 440–500 AD) AND HIS SCHOOL IN MENOÜTHIS

Anna M. Bolgova*, Nikolay N. Bolgov**

* *Belgorod State National Research University, Russia,*
bolgova@bsu.edu.ru

** *Belgorod State National Research University, Russia,*
bolgov@bsu.edu.ru

Abstract. One of the most interesting figures in the history of the Late learning and education is Horapollo Egyptian, who is commonly referred to in connection with the authorship of the treatise on hieroglyphs. The authors clarify the information after the Suda, that there were two Horapollo – a grandfather and a grandson. Of a particular interest is the activity of Horapollo The Younger as a teacher of the school and the scholar in Menouthis near Alexandria. The author tries to specify the differences between this school and the Alexandrian Neoplatonic School at 5–7 centuries AD. The main one is that the school was originally Horapollo rhetorical, and the chair of philosophy appeared later. At the same time the same teachers could teach at both schools. It is impossible to prove identity of these schools, they were different and autonomous. Unlike Christianized school of Ammonius (preserved philosophical teaching of the foundations of the new situation), Horapollo refused to adopt of Christianity and make a compromise with the

church, continued to maintain pagan theurgical practices, as a result his school did not survive his scholarch (493–500 AD). Horapollo had a personal drama too: being under investigation during the persecution of the school, his mansion was robbed by his wife. The persecution of the school and its scholarch, which led eventually to its closure, associated with an episode of the student Paralius. The question of the authorship of “Hieroglyphics” at the moment cannot be resolved, as the text does not give any additional meaningful and chronological reference points.

Key words: Horapollo, Alexandria, school, scholarch, philosophy, rhetoric, Neo-Platonism, Philoponi
